Анжелика Гончарова

Эмпат

18+

Анжелика Гончарова

Эмпат

«Автор»
2026

Гончарова А.

Эмпат / А. Гончарова — «Автор», 2026

Что, если бы вы могли продать свою первую любовь? Свой страх? Своё горе?В Нью-Бабеле эмоции — это валюта. Богатые покупают чужие чувства, чтобы хоть что-то почувствовать. Бедные продают свои — чтобы выжить. Каин — сборщик. Он забирает эмоции у должников и не задаёт вопросов. Пока однажды не находит на столе убитого клиента детский рисунок с надписью: «Ева. 7 лет. Не бойся».Ева не чувствует ничего. Ни страха, ни боли, ни радости. Она — «нулевая», оружие, созданное корпорацией, чтобы уничтожить рынок эмоций. Но Каин видит в ней не оружие. Он видит девушку, которая хочет научиться чувствовать.Он поможет ей. Даже если для этого придётся отдать ей свои эмоции. Даже если это его убьёт.Киберпанк-триллер о том, что делает нас людьми, когда чувства стали товаром.

© Гончарова А., 2026
© Автор, 2026

Эмпат

Глава 1. Сборщик

Дождь в Нью-Бабеле никогда не заканчивается. Он просто меняет вкус — с кислотного на маслянистый, в зависимости от того, какой завод сегодня решил сэкономить на фильтрах. Я стоял под козырьком ломбарда «Золотая жила», жевал синтетическую жвачку и смотрел, как капли стекают по стеклу, оставляя радужные разводы. Жвачка была со вкусом «яблочный пирог» — синтетика, конечно, но хоть какая-то иллюзия. Настоящий пирог я пробовал один раз в жизни, лет в десять, когда мать ещё не продала последние воспоминания. Вкус почти стёрся, осталось только ощущение тепла на языке.

Внутри, за бронированной витриной, спал старик Гектор. У него не было ни одной настоящей эмоции уже лет десять — продал всё, даже страх смерти. Теперь он торговал чужими. Гектор был моим дилером, моим банкоматом и моим напоминанием о том, что бывает с теми, кто слишком любит скидки. Его лицо напоминало печёное яблоко: морщины, желтизна, полное отсутствие выражения. Он спал с открытыми глазами — так делают все, у кого нет снов. Я постучал по стеклу. Он не шевельнулся. Внутри, в подсобке, мигал красный огонёк — значит, должник уже там.

Я вышел из-под козырька и зашагал вниз по улице, к сектору B-9. Район назывался «Сливы» — потому что здесь всё стекало вниз. Вода, мусор, люди. Улица шла под уклон, и чем ниже ты спускался, тем сильнее воняло. Сначала — жареным маслом и дешёвым антисептиком. Потом — гнилью и мокрой шерстью. Потом — чем-то химическим, от чего слезились глаза. Я привык. Дышал через раз, как все здесь.

Слева тянулись лотки уличных торговцев. Женщина с лицом, покрытым сетью морщин-шрамов, продавала «чистые эмоции в ампулах» — на самом деле перегонку из старых чипов, разбавленную водой. Рядом подросток в грязной куртке предлагал «воспоминания о первом снеге» — на деле просто запись скрипа ботинок по пенопласту. Никто не проверял. Здесь не принято проверять. Здесь принято выживать.

Над головой висели провода — толстые, как змеи, переплетённые в узлы, с них капала чёрная жидкость. Где-то в глубине квартала гудел генератор, и его вибрация отдавалась в зубах. Мимо проехал старик в инвалидной коляске с самодельным мотором; из его затылка торчал порт, обмотанный синей изолентой. Он продал все эмоции, кроме одной — злости. Злость была дешёвой. Он что-то бормотал себе под нос и плевался в лужу.

Я свернул в переулок. Здесь было темнее — неоновые вывески сюда не доставали, только мигающая лампа над дверью борделя «Рай на час». Из приоткрытого окна пахло потом и дешёвыми духами. Две девушки в коротких платьях курили на крыльце, одна из них спала стоя, прислонившись к стене. У неё на шее был чип-разъём, заткнутый пробкой от бутылки. Я кивнул им. Они не ответили.

Под ногами хлюпало. Асфальт был покрыт слоем слизи — смесь дождя, машинного масла и чего-то биологического. Я старался не думать, чего именно. В стене дома напротив зияла дыра, из неё торчали трубы, и по ним стекала ржавая вода. Ребёнок лет шести сидел на корточках рядом и ловил эту воду в консервную банку. У него были глаза взрослого человека — пустые, как у Гектора.

— Дядя, дай кредит, — сказал он, не поднимая головы.

Я бросил ему монету. Он поймал её, не глядя, и сунул в карман.

Ломбард «Золотая жила» остался позади. Впереди, за поворотом, начинался сектор B-9 — территория, где даже полиция нравов предпочитала не появляться без брони. Здесь не было неона. Только красные лампы, которые включали, когда кто-то умирал, и синие — когда рождался. Сейчас горела красная. Я ускорил шаг.

Вход в подсобку был за занавеской из чёрного пластика. Я отодвинул её и вошёл.

Должника звали Рурк. Мелкий делец, торговал поддельными эмоциями — впаривал богатеньким «первый снег» и «смех ребёнка», а на деле гнал им записи из архива какого-то детдома. Полиция нравов закрывала глаза, пока он платил. Но в этот раз он не заплатил.

Рурк сидел в подсобке, привязанный к стулу. Его лицо было липким от пота, глаза бегали, как у крысы, загнанной в угол. Я знал этот взгляд. Он уже прокручивал в голове варианты: соврать, заплакать, предложить взятку, позвать на помощь. Все они были бесполезны.

В подсобке пахло кислым — потом, страхом и старой кровью. На стенах висели пучки проводов, из потолка торчала лампочка без абажура, она мигала, и тени дёргались, как живые. В углу стоял ящик с ампулами — пустыми. Рурк уже всё продал. Оставалось только то, что внутри него.

— Каин, — выдохнул он. — Слушай, у меня есть деньги. Почти всё. Просто дай мне неделю.

Я сел напротив, достал из кармана тонкий чёрный кабель с иглой на конце. Чип-ридер. Старая модель, но надёжная. Рурк дёрнулся.

— Не надо, — прошептал он. — У меня семья. Дочь. Она больна.

— У всех дочь больна, — сказал я. — У тебя долг. Ты знал правила. Я не судебный пристав, я не буду ждать неделю. Ты продаёшь эмоции, но не умеешь их хранить. Забавно.

Я подключил иглу к его затылочному порту. Порт был грязный, в засохшей крови — Рурк, видимо, пытался сам вскрыть чип, чтобы стереть долг. Не вышло. Рурк заскулил. Чип у меня в голове мигнул, показывая меню: «Снять копию: страх (уровень 3), отчаяние (уровень 2), надежда (уровень 1)». Надежда — это редкость. Дорогая. Я мог бы снять её и продать, но у меня было правило: не трогать последнее. Надежда — это то, что держит человека на плаву. Если её забрать, он утонет. А мне нужны были живые должники, которые ещё смогут платить.

Я выбрал страх. Всегда выбираю страх. Он самый ходовой.

Игла вошла мягко, как в масло. Рурк выгнулся, его зубы застучали. Я почувствовал, как по кабелю потекла чужая эмоция — холодная, липкая, с привкусом металла. Мой чип принял её, упаковал в файл и отправил в облако. Всё заняло секунды. Рурк обмяк, из носа потекла тонкая струйка крови.

— Всё, — сказал я, отключаясь. — Твой долг закрыт. Но если ещё раз попадёшься — заберу не только страх. Понял?

Он кивнул, всхлипывая. Я уже не смотрел на него. Я смотрел на его стол.

Среди пустых ампул, старых чипов и мусора лежал детский рисунок. Мятая бумажка, восковые карандаши. На ней была нарисована девочка с чёрными волосами и пустыми глазами. А рядом — дом с крестом. И подпись: «Ева. 7 лет. Не бойся».

Я взял рисунок. Странно. Рурк не был сентиментальным. Он продал бы собственную мать, если бы она стоила хоть что-то. Зачем ему детский рисунок?

— Чей это? — спросил я.

Рурк поднял на меня мутные глаза. Улыбнулся — криво, как будто ему было больно.

— Ты не найдёшь её, — прошептал он. — Она не такая, как мы. Она... пустая. И она идёт за тобой.

Он засмеялся. Тихо, хрипло. А потом его глаза закатились, и он упал лицом на стол. Я проверил пульс — есть. Просто отключился. Но его слова остались в воздухе, как запах озона.

Я сунул рисунок в карман. В голове чип услужливо предложил: «Проверить изображение в базе?» Я отмахнулся. Потом.

Выйдя на улицу, я закурил. Дождь усилился. Где-то вдалеке выли сирены, и неоновые вывески отражались в лужах, как разбитые сны. Мимо прошла женщина с ребёнком на руках; ребёнок плакал, а женщина шикала на него и оглядывалась — не заберёт ли кто. Здесь плакать было опасно. Слёзы — тоже эмоция, и за них могли дать неплохие деньги. Я подумал о девочке с пустыми глазами. О том, что Рурк сказал: «Она идёт за тобой».

Глупости. В этом городе за тобой идут только коллекторы, полиция и бывшие любовники. Но рисунок почему-то жёг карман. Я достал его, разгладил. На обратной стороне было что-то написано — мелко, бисерным почерком: «Эмпалинк 0.0. Не подключайся. Она забирает».

Я нахмурился. «Эмпалинк 0.0»? Такой версии не существовало. Самая ранняя была 1.0, и она убивала доноров через полгода. А «забирает» — что это значит?

Мой чип снова завибрировал. На этот раз — анонимное сообщение. Без текста. Просто координаты. Точка в трущобах, в секторе, куда даже полиция не суётся без брони. И фотография. Та же девочка. Только теперь она была взрослой. Стояла на краю крыши, смотрела вниз. И улыбалась.

Я выбросил сигарету в лужу. Она зашипела.

— Ладно, — сказал я вслух. — Проверим, кто там идёт.

И шагнул в дождь.

Глава 2. Крыша

Координаты привели меня в сектор D-4 — район, который даже в справочниках значился как «зона отчуждения». Здесь не было ни ломбардов, ни борделей. Только мёртвые дома с выбитыми окнами, ржавые каркасы бывших заводов и тишина. Такая тишина бывает только там, где люди перестали кричать, потому что поняли: никто не придёт.

Я шёл по улице, вдоль которой тянулась стена из бетонных блоков. На стене кто-то баллончиком написал: «ЭМОЦИИ — ЭТО РАК». Ниже, другим почерком: «НО БЕЗ НИХ ТЫ — МЯСО». Кто-то третий добавил: «ПРОДАЙ МЯСО, КУПИ ЭМОЦИИ». Классика уличной философии.

Дождь здесь был другой — не маслянистый, а какой-то стеклянный, колючий. Капли били по лицу, как мелкие иглы. Я поднял воротник куртки, но толку было мало. Куртка была старая, с прорехами на локтях, и пропускала влагу, как сито.

Нужный дом стоял в конце тупика. Восемнадцать этажей, все окна выбиты, на фасаде — следы пожара. Лифт, конечно, не работал. Я нашёл лестницу — точнее, то, что от неё осталось. Ступени крошились под ногами, перила отсутствовали, вместо них торчали ржавые штыри. Я поднимался медленно, считая этажи, чтобы не сбиться. На седьмом этаже наткнулся на спящего бомжа, укрытого куском полиэтилена. Он спал с открытыми глазами, как Гектор. Я не стал его будить.

На крыше было ветрено. Ветер гнал по бетону обрывки газет и пустые ампулы. Я вышел из люка и сразу увидел её.

Она стояла на самом краю, спиной ко мне. Чёрные волосы развевались, длинное пальто цвета мокрого асфальта хлопало на ветру. Внизу, на расстоянии восемнадцати этажей, блестела мокрая улица. Одно неверное движение — и всё.

Я остановился в десяти шагах. Не потому, что боялся, что она прыгнет. Просто не хотел её спугнуть. Хотя, судя по её позе — расслабленной, почти скучающей, — её вряд ли что-то могло спугнуть.

— Красивый вид, — сказал я.

Она не обернулась.

— Ты опоздал на три минуты, — ответила она. Голос был ровный, без эмоций. Как у диктора на радио, который читает прогноз погоды перед концом света.

— Пробки, — соврал я. — Ты Ева?

Она наконец обернулась. Лицо было бледное, почти белое, без косметики. Глаза — тёмные, глубокие, как два колодца. В них не было ни страха, ни любопытства, ни злости. Ничего. Я видел такие глаза у доноров, которые продали всё, включая инстинкт самосохранения. Но она была слишком молода для этого. Лет двадцать, не больше.

— Ты Каин, — сказала она. Не вопрос. — Сборщик. Ты снимаешь эмоции с должников. Твоя мать продала все свои чувства, когда тебе было двенадцать. Ты ненавидишь её за это, но каждый день делаешь то же самое с другими. Забавно.

Я почувствовал, как что-то холодное скользнуло по позвоночнику. Она знала обо мне. Всё. Или почти всё.

— Кто тебе рассказал? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Никто. Я вижу. — Она повернулась ко мне всем телом, и я заметил у неё на шее порт. Стандартный разъём для чипа, но вокруг него кожа была покрыта сетью тонких, как паутина, шрамов. Следы от подключений. Много подключений. — Ты пришёл, чтобы снять с меня копию эмоций. Заказ от Вейна. Я знаю.

— Тогда зачем пришла?

— Потому что ты мне нужен.

Я усмехнулся. В этой ситуации было что-то абсурдное. Она стояла на краю крыши, готовая шагнуть в пустоту, и говорила, что я ей нужен.

— Слушай, — сказал я, подходя ближе. — Если ты хочешь прыгнуть, я не буду мешать. Но если хочешь поговорить, давай отойдёшь от края. А то у меня нервы не железные.

Она посмотрела на меня с любопытством. Впервые в её глазах что-то мелькнуло. Не эмоция — скорее, интерес, как у учёного, который наблюдает за реакцией подопытного.

— Ты думаешь, я хочу прыгнуть? — спросила она. — Нет. Я проверяла, чувствую ли я страх высоты. Не чувствую. — Она сделала шаг назад, к центру крыши. — Но ты прав. Давай поговорим.

Мы сели на бетонный парапет. Я достал сигарету, предложил ей. Она отказалась.

— Вейн послал тебя, чтобы найти меня, — сказала она. — Он хочет снять копию моих эмоций. Но у меня их нет. Ты уже понял это, когда попытался подключиться. Твой чип не работает рядом со мной.

Я вспомнил, как при первом контакте мой чип мигнул и выдал ошибку. Я тогда решил, что это глюк.

— Почему не работает?

— Потому что я — ноль. — Она произнесла это без гордости, без страха. Просто факт. — Я не чувствую ничего. И всё, что ко мне подключается, тоже перестаёт чувствовать. На время. Или навсегда. Зависит от дозы.

— Ты — оружие, — сказал я. — Вейн создал тебя, чтобы отключать чипы. Почему ты сбежала?

Она помолчала. Ветер трепал её волосы, и в свете уличных фонарей её лицо казалось вырезанным из бумаги.

— Потому что он врал, — сказала она наконец. — Он сказал, что я спасу человечество. Но он хочет использовать меня, чтобы уничтожить конкурентов. Он не хочет свободы. Он хочет власти.

Я докурил сигарету и затушил её о бетон.

— И что ты предлагаешь?

Она повернулась ко мне. Её глаза были тёмными, как вода в сточной канаве.

— Ты поможешь мне добраться до Вейна. А я помогу тебе забыть.

— Забыть что?

— Всё. — Она улыбнулась. Впервые. Улыбка была странная, будто она тренировалась перед зеркалом, но так и не поняла, как это делается. — Ты сможешь начать с нуля. Без эмоций. Без боли. Без прошлого. Как я.

Я задумался. Это было заманчиво. Слишком заманчиво. Но был один нюанс.

— А если я не хочу забывать?

— Тогда ты останешься тем, кто ты есть. Сборщиком. Человеком, который крадёт чувства у других, потому что свои давно потерял. — Она встала. — Я не тороплю. Но у тебя есть время до утра.

Она пошла к люку. Я смотрел ей в спину. В голове чип услужливо предложил: «Проверить статус цели. Уровень угрозы: высокий. Рекомендация: не подключаться». Я отключил уведомления.

— Ева, — окликнул я.

Она остановилась.

— Ты сказала, что Рурк говорил про тебя. Он сказал: «Она забирает». Что ты у него забрала?

Она обернулась. В её глазах снова мелькнуло что-то — на этот раз похожее на сожаление.

— Надежду, — сказала она. — Он слишком много надеялся. Это было опасно. Я забрала её, чтобы он не пошёл за мной.

И она исчезла в люке.

Я остался на крыше один. Дождь усилился. Где-то внизу выла сирена, и её вой смешивался с ветром. Я достал рисунок, который нашёл у Рурка. Девочка с пустыми глазами. «Ева. 7 лет. Не бойся».

Я сунул рисунок обратно в карман.

— Ну и дела, — сказал я вслух.

И полез вниз.

Глава 3. Сделка

Я не спал всю ночь. Сидел в своей квартире — комнатушке над мастерской по починке чипов — и смотрел в потолок, где расползалось пятно от протечки. Пятно было похоже на карту Нью-Бабеля: кривое, грязное, с тёмными закоулками.

Ева не выходила из головы. Её предложение — «я помогу тебе забыть» — звучало как реклама нового наркотика. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я знал, что такое «забыть». Моя мать забыла всё. Сначала продала воспоминания о моём детстве — за гроши, на рынке, вместе с первым снегом и запахом рождественской ёлки. Потом — чувства. Последнее, что она продала, — страх за меня. После этого она перестала узнавать меня на улице. Смотрела сквозь, как на пустое место.

Я не хотел так закончить.

Но было и другое. Слова Евы: «Ты останешься тем, кто ты есть. Сборщиком. Человеком, который крадёт чувства у других, потому что свои давно потерял». Она была права. Я давно потерял свои. Не продал — просто стёр. Запихал в дальний угол сознания и залил бетоном. Потому что чувствовать в этом городе — непозволительная роскошь.

К утру я решил: сначала выясню, кто она такая. Потом решу, соглашаться или нет.

Мира жила в подвале бывшего кинотеатра «Космос». На вывеске до сих пор горела буква «К», а остальные давно сгорели. Внутри пахло пылью, машинным маслом и кофе — настоящим, не синтетическим. Мира варила его в турке на самодельной горелке, и этот запах был единственным, что осталось от цивилизации в радиусе километра.

Она сидела за столом, заваленным чипами, проводами и пустыми банками из-под энергетика. На ней была футболка с надписью «Я ПРОДАЛ СВОЮ ДУШУ ЗА WI-FI» и пижамные штаны с утками. Волосы — фиолетовые, торчком, как у подростка-бунтаря. Ей было тридцать, но выглядела она на двадцать пять. Или на сорок. С донорами не угадаешь.

— Каин, — сказала она, не поднимая головы от паяльника. — Ты выглядишь как человек, который не спал и принял плохое решение.

— Я принял решение, — сказал я, садясь на продавленный диван. — Пока не знаю, плохое или нет.

— Рассказывай.

Я рассказал. Про Рурка, про рисунок, про Еву на крыше. Мира слушала молча, только паяльник в её руке замер. Когда я закончил, она отложила инструмент и посмотрела на меня.

— Ты хочешь сказать, что эта девушка — «нулевая»? — спросила она. — Как в теории? Я думала, это миф. Способность отключать чипы одним присутствием. Если это правда, она стоит больше, чем весь этот район.

— Она сказала, что Вейн создал её. Она — его дочь.

Мира присвистнула.

— Оскар Вейн. Человек, который владеет половиной эмоционального рынка. И ты хочешь помочь его дочери добраться до него? — Она покачала головой. — Ты или самый смелый человек в городе, или самый глупый.

— Я ещё не согласился.

— Но ты думаешь об этом.

Я не ответил. Мира встала, подошла к сейфу в углу, набрала код. Внутри было несколько чипов — чистых, без эмоций.

— Если ты собираешься работать с ней, тебе нужен план, — сказала она. — И страховка. Вот. — Она протянула мне чип. — Это «глушилка». Если она попытается отключить твой чип, глушилка сработает первой. Вырубит её на пару минут. Не спрашивай, как работает. Просто вставь в порт и забудь.

Я взял чип. Он был холодный, тяжёлый.

— Спасибо.

— Не благодари. Ты мне должен. — Она ухмыльнулась. — И если вы с Евой собираетесь штурмовать Эмпиреи, я хочу быть в доле. У меня есть свои счёты с Вейном.

Мы встретились с Евой на нейтральной территории — в заброшенном метро, на станции «Технологический институт». Здесь не было ни камер, ни полиции, ни банд. Только гулкие тоннели, ржавые пути и эхо, которое повторяло каждый звук трижды.

Ева пришла вовремя. На ней было то же пальто, и я подумал, есть ли у неё другая одежда. Она стояла под мигающей лампой, и её лицо казалось высеченным из мрамора.

— Ты решил, — сказала она. Не вопрос.

— Я решил, что сначала мы проверим, на что ты способна, — ответил я. — Вейн — не просто бизнесмен. У него охрана, связи, армия. Если я пойду с тобой, я должен знать, что ты не подведёшь.

Она кивнула.

— Разумно. Что ты предлагаешь?

— Есть один склад в секторе А-2. Принадлежит людям Вейна. Там хранятся чипы с эмоциями — партия на продажу. Если мы его возьмём, Вейн потеряет деньги и нервы. А я посмотрю, как ты работаешь.

Ева посмотрела на меня с тем же любопытством, что и на крыше.

— Ты хочешь ограбить Вейна, чтобы проверить меня? — спросила она. — Это либо очень смело, либо очень глупо.

— Мне все сегодня говорят одно и то же, — вздохнул я. — Идём.

Склад стоял на краю промышленной зоны. Одноэтажное здание из бетонных блоков, с колючей проволокой по периметру и двумя охранниками у входа. У одного из них был чип-детектор — он сканировал всех, кто приближался, на предмет несанкционированных подключений.

— У них чипы третьего уровня, — прошептал я, наблюдая из-за угла соседнего здания. — Военные. Такие не спят на посту. Если попадёмся, нас не арестуют. Нас просто сотрут.

— Не попадёмся, — сказала Ева. Она смотрела на охранников спокойно, как на экспонаты в музее. — Я войду первой. Ты — за мной. Когда они отключатся, у тебя будет минуты две, чтобы вскрыть замок.

— Ты уверена, что сработает?

Она не ответила. Просто пошла вперёд — прямо к воротам, не прячась. Я выругался сквозь зубы и последовал за ней.

Охранник с детектором заметил её сразу. Поднял руку, крикнул: «Стоять! Сектор закрыт». Ева не остановилась. Она подошла к нему вплотную, и он попытался схватить её за плечо. И тут это случилось.

Я увидел, как чип на его виске мигнул — раз, другой, — а потом погас. Охранник замер. Его глаза закатились, из носа потекла тонкая струйка крови. Он рухнул на асфальт, как мешок с песком. Второй охранник бросился к ней, но Ева повернулась к нему, и через секунду он тоже упал. Без крика, без выстрела. Просто выключился.

Я стоял, не двигаясь. В горле пересохло.

— Две минуты, — сказала Ева, оборачиваясь. — Ты сказал, у меня две минуты.

Я бросился к воротам. Замок был электронный, но старый. Я вскрыл его за минуту — у меня был опыт. Мы вошли внутрь. Склад был заставлен стеллажами с ампулами. Тысячи чипов, каждый с эмоцией. «Первый поцелуй», «Смерть отца», «Рождение ребёнка». Я быстро набил рюкзак.

— Уходим, — сказал я.

Мы вышли через заднюю дверь. Сирена ещё не включилась — охранники не успели нажать тревогу. Но я знал, что время работает против нас.

На улице Ева остановилась. Она смотрела на одного из охранников — того, что лежал ближе. Его лицо было мокрым от дождя и крови.

— Он не умрёт? — спросил я.

— Нет, — сказала она. — Через час очнётся. Без чипа. Навсегда. — Она помолчала. — Это то, что ты хотел увидеть?

Я посмотрел на неё. В её глазах не было ни сожаления, ни торжества. Только пустота.

— Да, — сказал я. — Увидел.

Мы вернулись в подвал Миры, когда город ещё спал. Я вошёл первым, сбросил рюкзак на стол. Мира уже не спала — сидела перед монитором, и на экране мигала красная карта города.

— Вы идиоты, — сказала она, не оборачиваясь. — Полные идиоты.

— Мы знаем, — сказал я.

— Нет, вы не знаете. — Она развернулась на стуле. — Я отслеживала вас по чипу. Всё видела. Ограбление склада Вейна — это не «проверка». Это объявление войны. Он уже поднял всех. Полиция нравов, частная охрана, уличные банды — все ищут двоих. Одного с рюкзаком эмоций. И одну девушку с пустыми глазами.

Ева стояла в дверях, не двигаясь. Мира посмотрела на неё.

— Ты, — сказала она. — Ты хоть понимаешь, что натворила? Те охранники теперь овощи. Их семьи остались без кормильцев. Ты забрала у них не только чипы — ты забрала у них жизнь.

— Я знаю, — сказала Ева.

— И тебе всё равно?

— Да.

Мира открыла рот, чтобы что-то сказать, но я перебил:

— Хватит. Мы здесь не для того, чтобы спорить. Нам нужен план.

Мира выдохнула, откинулась на спинку стула.

— Ладно. Вот что я знаю. — Она вывела на экран схему. — Вейн не просто так ищет Еву. У него есть личный интерес. Его жена умерла десять лет назад — передозировка эмоций. Купила «эффект первого поцелуя» и не смогла остановиться. Вейн тогда был никем. Он создал корпорацию, чтобы отомстить донорам. А Ева — его идеальный инструмент. Она может отключить всех доноров в городе одним ударом. Но он не хочет этого делать. Пока.

— Почему?

— Потому что он болен, — сказала Мира. — У него та же зависимость, что у жены. Он не может остановиться. Ему нужны эмоции, как наркоману — доза. И он хочет, чтобы Ева стала его личным источником. Вечным. Она не истощается, как обычные доноры. Она — бесконечный колодец.

Я посмотрел на Еву. Она слушала без интереса.

— Это правда? — спросил я.

— Не знаю, — сказала она. — Я не помню его. Он стёр мою память, когда я была ребёнком. Всё, что я знаю, — это то, что я должна его остановить.

Мира хмыкнула.

— Ну, теперь у нас есть ещё одна проблема. — Она кивнула на рюкзак. — Эти чипы. На чёрном рынке они стоят миллионы. Но продать их будет сложно. Вейн уже заблокировал все крупные каналы. Остались только мелкие барыги вроде Гектора.

— Значит, пойдём к Гектору, — сказал я.

— Нет. — Мира покачала головой. — Гектор уже сдал тебя. Я слышала по полицейской волне. Он сказал, что ты приходил к нему с рисунком Евы. Вейн назначил награду за твою голову. И за её тоже.

Я выругался. Ева молчала.

— Тогда что мы будем делать? — спросил я.

Мира улыбнулась. Впервые за вечер.

— У меня есть один контакт. Человек, который покупает эмоции для Вейна. Лично. Он не в системе. Он — тень. Если мы выйдем на него, мы выйдем на Вейна.

— Кто он?

— Его зовут Кроу. Он бывший донор. Продал всё, кроме жадности. Сейчас он — правая рука Вейна. И у него есть слабость: он любит редкие эмоции. У нас есть рюкзак с редкими эмоциями. Мы можем его приманить.

Я посмотрел на Еву. Она кивнула.

— Хорошо, — сказал я. — Где мы его найдём?

Мира вывела на экран фотографию. Мужчина лет пятидесяти, с лицом, похожим на сморщенный орех, и глазами, которые не мигали.

— Он каждую пятницу бывает в клубе «Эмпиреи» — это элитный бар на крыше небоскрёба. Для тех, у кого есть деньги и нет совести. Завтра пятница. У нас есть двадцать четыре часа, чтобы придумать, как туда попасть.

Я посмотрел на Еву. Она смотрела на фотографию Кроу.

— У тебя есть платье? — спросил я.

— Нет.

— Значит, купим.

Глава 4. Эмпиреи

Двадцать четыре часа — это много, если у тебя есть деньги. И очень мало, если их нет.

У нас не было. Рюкзак с эмоциями Вейна стоил миллионы, но продать его за один день, не попавшись, было невозможно. Мира выделила нам «оперативный бюджет» — триста кредитов, мятые купюры с запахом кофе. Хватило на две вещи: приглашение и платье.

Приглашение достал я. Через знакомого знакомого — парня по кличке Штырь, который работал вышибалой в «Эмпиреях» и иногда подрабатывал подделкой пропусков. Штырь был худой, как жердь, с татуировкой змеи на шее и вечной жвачкой за щекой. Он посмотрел на меня, на мои триста кредитов, и сказал:

— Ты псих, Каин. «Эмпиреи» — это не клуб. Это змеиное гнездо. Если тебя там раскроют, ты не выйдешь.

— Я знаю.

— И ты всё равно идёшь?

— У меня нет выбора.

Штырь сплюнул жвачку в урну.

— Ладно. Но если тебя там прикончат, я не приду на похороны. — Он протянул мне карточку из чёрного пластика с золотой гравировкой. — Приглашение на двоих. Имя — Марк Дэвис, консультант по эмоциональным инвестициям. Твоя спутница — мисс Ева Дэвис. Жена. Любит тишину и не пьёт шампанское. Всё, иди.

Я взял карточку.

— Спасибо, Штырь.

— Не благодари. Ты мне должен.

Все мне что-то должны, а я — всем.

Платье для Евы мы купили в секонд-хенде на окраине сектора B-1. Магазин назывался «Вторая кожа» и торговал вещами, снятыми с трупов. Я не спрашивал, откуда они. Ева не спрашивала тоже. Она просто стояла среди вешалок, пока я выбирал.

— Чёрное, — сказал я, вытаскивая платье с открытой спиной. — Подойдёт к твоим глазам.

— Мне всё равно, — ответила она.

— Знаю. Но мне не всё равно. Если мы идём в логово змеи, ты должна выглядеть как змея. Или как человек, который их ест.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.